

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-47-58>

УДК 304.444

ББК 71.1

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. О. В. Евграфова

г. Ростов-на-Дону, Россия

© 2023 г. В. К. Королев

г. Ростов-на-Дону, Россия

РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация: Авторы дают обобщение и типизацию исторических характеристик российской экономической культуры, в трех их «переоценках» XIX–XXI вв.: капиталистической, социалистической, и «возвратно» капиталистической. Эта работа осуществляется на основе анализа традиционных особенностей культурно-исторического развития России, их экономического значения в свете основных концептов родового качества экономической культуры — отношения к труду, частной собственности, богатству и потреблению, проявляющихся в адекватных феноменах.

На этой теоретико-методологической основе представлены «в чистом виде» и концептуально систематизированы феномены традиционной (феодальной) экономической культуры, показаны их досоветские, советские и постсоветские трансформации.

С учетом сущностной противоречивости отечественной экономической культуры на всех этапах исторического существования ее качественного, родового единства как фундамента видовых трансформаций, сделан вывод о качестве наличного переходного состояния экономической культуры как мутационном. Предложена междисциплинарная методология современного его «переформатирования» — сортировки и новой «сборки» феноменов всех исторических видов этой культуры (сохранение нужных, купирование «вредных», формирование новых) как перспективы ее модернизации, адекватной задачам устойчивого развития России в современных условиях.

Ключевые слова: экономика, культура, концепт, феномен, труд, собственность, богатство, потребление, модернизация.

Информация об авторах:

Ольга Владимировна Евграфова — кандидат философских наук, доцент, Российская таможенная академия, Ростовский филиал, пр. Буденновский, д. 20, 344002 г. Ростов-на-Дону, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8821-9941>

E-mail: dia7@bk.ru

Владимир Константинович Королев — доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, пер. Днепроvский, д. 116, 344060 г. Ростов-на-Дону, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1659-4195>

E-mail: vkorolev@sfedu.ru

Дата поступления статьи: 13.12.2021

Дата одобрения рецензентами: 29.12.2021

Дата публикации: 28.06.2023

Для цитирования: *Евграфова О. В., Королев В. К.* Русская экономическая культура: исторические традиции и трансформации // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 47–58. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-47-58>

Сложности современного социально-экономического развития России с необходимостью ставят ряд проблем, требующих своего рассмотрения и решения. Выделим две из них. Первая — «сопряжение» передового западного опыта и возможностей его реализации в отечественных условиях. Вторая — «освоение» растущей роли человека в постиндустриальной экономике. Полагаем — теоретической основой решения этих проблем является понимание роли экономических культурно-исторических традиций в модернизации так называемого «человеческого капитала» современной российской экономики, содержательно представленного его экономической культурой. Это обуславливает актуальность данного исследования. Нашей целью является рассмотрение проблематики трансформаций этой культуры в свете выделенных нами ранее парадигм экономических и экономически релевантных традиций исторического развития России — с момента их становления и теоретического осмысления — до наших дней.

В качестве теоретического вступления заметим, что при рассуждении о тех или иных исторических традициях культуры России нужно сделать ряд уточнений, «фундирующих» наше рассмотрение традиционной экономической культуры, ее исторических трансформаций. Первое — становление этой культуры мы относим к периоду Московской Руси, а рефлекслируемое формирование — с Руси Петровской. Второе — «по умолчанию» речь идет о традициях культуры российско-славянских народов — великорусского, малорусского и белорусского; иные крупнейшие российские этносы — тюркский и угро-финский — в рассматриваемых традициях не презентуются, ибо принадлежат к иным, неславянским культурам. Третье — традиционная экономическая культура имела феодальный характер, пережила свою первую «переоценку» со второй половины XIX в., с пришествием в Россию капитализма, а в двух других последующих «переоценках» — социалистической и «возвратно-капиталистической» — была историческим фоном социально-экономических преобразований. Четвертое — наша экономическая культура, как и российская цивилизация в целом, сложна и мозаично противоречива на всех своих исторических этапах. Наконец, эту культуру мы трактуем как систему доминантных для экономической жизнедеятельности ценностных отношений, формирующих интенции хозяйствующих субъектов.

Следует сказать, что по проблематике российских (экономически релевантных) культурно-исторических традиций существует большая междисциплинарная литература. Прежде всего, надо отметить публикации Аникина А. В., Афанасенко И. Д., Басиной Т. Н., Забылина М. Н., Завершинского К. Ф., Зарубиной Н. Н., Калашникова М. И., Королева В. К., Платонова Д. Н., Платонова О. А., Розина В. М., Панферова К. Н., Шеряшевой М. Ю. и др.

Развивается и изучение отечественной экономической культуры — здесь заметны работы Архипова А. Ю., Евграфовой О. В., Заславской Т. И., Королева В. К., Крюковой О. Н., Кузнецова Т. А., Кузьминова Я. И., Леоновой О. Г., Наследниковой Г. Б., Новозженко К. А., Помпеевой Ю. А., Рывкиной Р. В., Самойлова Е. В., Фатеевой С. В., Филоновой Е. И., Щербины А. А. и др. Вместе с этим, полагаем, остается необходимость обобщения, систематизации и типизации экономических традиций России, рассмотрения культурно-исторических трансформаций отечественной экономической культуры, проблем ее модернизации. Это формирует задачи данной статьи.

В порядке пропедевтики также отметим, что становление и развитие традиций экономической жизни России, ее экономической культуры имеет фундаментальную объективную основу в ряде объективных факторов [11]. Прежде всего, нужно отметить: а) *природно-географические*: жесткость и разнообразие климатических условий, обширность территории, жизненное движение с запада и северо-запада на восток и юг, из леса в степи и др.; б) *геополитические*: бытие крупнейшей цивилизации «сухопутной» ориентации между Западом и Востоком, задающее проблему ориентации и самоидентификации; в) *социально-политические*: высокую роль государства российского в организации жизни человека и общества, ее «общинность»; фактором субъективным, *духовно-нравственным* является религиозная этика «служения», «соборность» [1].

Эти факторы по-разному влияют на экономику, имеют разную «экономическую релевантность», но они, так или иначе, формируют предпосылки традиционного понимания роли и места экономики в жизни общества [4]. Это требует научного анализа и восприятия традиционных особенностей культурно-исторического развития России и их собственно экономического значения [2].

Кратко охарактеризуем важнейшие из них, интерпретирующие экономику как хозяйствование: органическая связь традиций духовно-семейного и собственно хозяйственно-экономического поведения; доминирование «хозяйственной» Деревни над Городом (как военно-политическим а не экономическим центром); институционное и ментальное; отсутствие резкой отраслевой дифференциации хозяйства, его «многовекторность»; влияние православия с его канонической ориентацией на меру материальных и духовных потребностей и др. На этой традиционной основе к середине XIX в. сложился особый тип хозяйствования, в котором экономические принципы жизни реализовывались в единстве с социально-политическими и духовно-нравственными; имели (сравнительно с западной) выраженную социогуманитарную окраску понимания и реализации экономической проблематики и практики [3].

Для традиционной русской (общинной) типовой «модели» (феодальной) экономики были характерны такие доминирующие характеристики, как: экстенсивность экономического развития; консерватизм хозяйственной жизни; аграрный «тренд» экономики, формирующей адаптивное мировоззрение ее участников; ориентация скорее на «гармонию» укладов хозяйственной жизни, нежели на их конкурентную дифференциацию; глубинные интенции социальной мотивация экономики; целевая ориентация не столько на прибыль, сколько на целостное жизнеобеспечение; низкая трудовая мобильность населения; высокое влияние государства на экономику, но в причудливом сочетании с опорой на самоорганизацию общины и артели; расточительность, обусловленная обширностью территории, богатством и разнообразием природы; «автаркия» хозяйственной жизни — ее замкнутость, самодостаточность, установка на самообеспеченность; практика достижения благосостояния скорее через близость к власти, чем через труд и собственность [13].

Эти особенности формировали традиционную, «классическую» для славянской феодальной России экономическую культуру. Кратко рассмотрим ее, опираясь на авторскую трактовку этой культуры как системы ценностных концептов и конкретизирующих их феноменов [5]. В реализации такого подхода на основе обобщения и систематизации имеющихся в литературе характеристик можно дать представление об этой культуре, ее феноменах по ее четырем основным концептам.

Первый концепт — *отношение к труду* [10]. Оно выражается в следующих главных феноменах: отсутствие сепаратной самодостаточности смысла трудовой деятельности, социально-нравственная «окраска» ее мотивов и стимулов; «трудничество» как воплощение традиции «нравственного» труда — восприятие хозяйствования не только как материальной, но и как духовной деятельности социального назначения; православное отсутствие протестантской легитимизации обогащения и культа повседневной профессиональной работы; противоречивость отношения к труду: а) органичное сочетание в нем проявлений бескорыстного энтузиазма с его восприятием как «постылой» необходимости; б) традиция работать спустя рукава «на барина», более добросовестно — на себя, на «общество»; в) сосуществование смысленности, сообразительности в труде с недостатком в нем рутинной исполнительности; неразвитость (в сравнении с западной) значимости «срединного», будничного начала в труде, значимость героической культуры трудового подвига, что порождало трудности «самонастройки» на работу в обычных, стандартных, повседневных ситуациях; особая «социоритмика» труда: доминанта государственного служения объективно является скорее коллективной, нежели личностной, что рождает своеобразие энергетики трудового духа; специфическая «биоритмика» труда: нормальность его «авральности», а не расчетливой, длительной систематичности; приоритет крестьянского труда в иерархии ценности видов трудовой деятельности, ниже — труд ремесленный; далее — интеллектуальный, на последнем месте был финансово-спекулятивный труд; понимание труда как социально-патриотического долга; ценность сословного труда как «служения» на благо государства, его величия; высокая роль государства в организации и мотивации трудовой деятельности; ее противоречивость в мирном сосуществовании традиций «богатеть вместе с государством» и, вместе с этим — «за счет государства»; архетип «общинности» с ее справедливостью как «уравниловкой»; коллективизм труда: приоритет его совместности в отсутствие четкой связи с трудом отдельного человека; неразвитость трудового «экономического рационализма» в условиях рискованного земледелия и волюнтаризма власти [10].

Второй концепт — *отношение к (частной) собственности* — проявляется в следующих феноменах: отсутствие ее рассмотрения как абсолютной ценности, осуждение несправедливости частной собственности как «нетрудовой» в сочетании с глубинным неуважением к собственности «казенной» как к «ничейной»; стремление к восприятию (частной) собственности как функции труда, а не (финансово-спекулятивного) капитала; фундированное общинным мировоззрением глубинное неприятие частной собственности на землю, убеждение в ее «Божьей» принадлежности; сравнительно низкая мотивация цивилизованного частного собственника-хозяина: источником благ для подданного была скорее благосклонность начальства, а не честный труд и собственность.

Концепт третий — *отношение к богатству*. Феноменально оно характеризовалось: (православным) приоритетом «достатка» над богатством, при этом своего рода «антитезой» богатству выступала не бедность, а некая «душевность»; идеализацией приоритета богатства «духовного» над материальным; моральным осуждением «чрез-

мерного» богатства в сочетании с его «вождедением», завистливым уважением носителей богатства.

Четвертый концепт — *отношение к потреблению*: оно рассматривалось скорее, как достаточное, статусное, выход за пределы «достойного существования», излишества, мотовство вызывали скорее неодобрение, хотя были и предметом восхищения, зависти.

Следует особо подчеркнуть, что, во-первых, выделенные феномены представлены «в чистом виде»; во-вторых, в реальности экономическая культура как их система реализовывалась противоречиво [7]. Это хорошо просматривается в русском фольклоре. В частности, в пословицах русского народа выражается высокая оценка не только труда, но и лени; коллективизм не имеет явного преимущества перед собственническими ориентациями; отношение к чужому богатству выступает не только как осуждение, но и как зависть, приниженность перед ним; слабо выражена прямая связь счастья и честного труда, он не рассматривается как источник богатства; нет явного осуждения воровства и т. п. [14].

И в русских народных сказках выделенные концепты представлены противоречиво: относительно труда есть сказки как о героях, живущих добросовестным трудом, так и о ленивых, кому «неохота» что-либо делать, о любителях «полежать на печи». И хотя герои первой группы всегда вознаграждаются за свой труд, но лентяи достигают благополучия — за счет чуда, волшебного средства [15].

Эти «срезы» экономической культуры презентуют экономический «этос» российской цивилизации, феодальная экономика которой с конца XIX в. вступает в свою капиталистическую трансформацию, размывающую традиционный хозяйственный уклад, основанный на этих принципах [9]. Становление капитализма в России осуществляет первую переоценку приведенных особенностей традиционной — «феодальной» — экономической культуры. При этом следует подчеркнуть, что формируемая новая экономическая культура характерна отсутствием у нее выраженной «самостоятельности характера», подражанием Западу [12]. (Это избавляет нас от необходимости характеризовать эту культуру; можно сослаться в ее рассмотрении на классические работы М. Вебера, В. Зомбарта, Ф. Хайека, на экономические черты «западоида» А. Зиновьева).

Развитие капитализма в России было сравнительно недолгим, резко прервано социалистической революцией, становлением формационно новой — социалистической — экономики с присущей ей новой экономической культурой. Разумеется, и традиционная феодальная, и «недосформированная» капиталистическая сыграли свою роль в рождении этой культуры: ее концепты, оставаясь формально неизменными, наполнились новым феноменальным содержанием, что знаменовало вторую «переоценку» исторически традиционной экономической культуры [6].

Тут нужно сделать ряд замечаний относительно социалистической судьбы традиционных ценностей культурно-исторического развития России и их собственно экономического значения. Социализм возник в стране, еще окончательно не изжившей элементы феодализма, что обеспечивало, при всей болезненности социалистических преобразований, их приемлемость для большинства населения (преимущество общины и колхоза, царя и «Генерального секретаря», традиции патриотического служения и др.).

Остро актуальная задача быстро преодолеть отставание от Запада в условиях его враждебности, рождающая преобладание политических и военных потребностей

над собственно экономическими привели к предельному усилению роли государства как единственного организатора экономики, объективно формировали ее мобилизационный характер с присущей ему неизбежностью обращения к чрезвычайным экономическим мерам; централизованному программно-целевому характеру экономической политики в условиях хронической нехватки времени, сил и средств для эволюционного разрешения экономических проблем. Доминирование задачи выживания требовало развития ударно быстрыми темпами, вынуждало власть решать такие задачи, которые опережали возможности страны. Это объективно побуждало действовать силовым нажимом «рывка» (индустриализация, коллективизация), с неизбежной эксплуатацией человека как социалистического «капитала» [6]. В этих условиях главным принципом экономической жизни стало достижение государственных целей («выполнение плана»), что обеспечивалось приоритетом волюнтаризма над самоорганизацией [8]. Такие изменения в социуме и его экономике не столько изменили концепты культуры традиционной, сколько «феноменально» модернизировали их: место метафизической «духовности» заняла идеологизированность «строительства коммунизма».

Для концептов российской экономической культуры этой ее второй, советской «переоценки» характерно доминирование следующих феноменов.

В отношении к труду: не просто нормальность «компанейщины», ударничества, трудовых подвигов, героизма, а их культивирование; привычность «аритмии» труда: повседневная «спячка» — итоговая «горячка» (выполнения плана); ослабление потребности в личной экономической активности, независимости от государства; понижение роли личностных материальных факторов и целей труда; приоритет, в сравнении с личными, интересов трудового коллектива, резкое ослабление пресловутого «чувства хозяина»; усиление традиционной противоречивости отношения к труду — на себя и на государство.

Резко изменилось и отношение *к собственности:* частная (на средства производства) в социалистическом обществе, его экономике не просто исключалась, но всячески «демонизировалась» как источник эксплуатации и нетрудового обогащения. Соответственно изменилось и отношение *к богатству:* «большие» деньги вызвали настороженное отношение как нечто «антидуховное», имеющее высокий криминальный потенциал; идеологическое подавление (подспудного) стремления к обогащению, генетического уважения богатства; под лозунгом социальной справедливости формировался феномен равенства материальных возможностей, тенденций уравниловки в оплате труда.

Модернизировалось и отношение к концепту *потребления:* велось активное нравственное осуждение (мещанского) потребительства, стремления к роскошной жизни, «излишнего» накопления; в противовес этому пропагандировались так называемые «разумные» материальные потребности.

Но по мере того, как «выдыхалась» идеологическая заряженность доминирования экономической деятельности на благо государства, содержание феноменов этих концептов менялось. В частности, шли ослабление общественно-полезной трудовой мотивации и активности, рост частнособственнических настроений, значения труда как средства личного потребительского благосостояния, интереса к «левым» доходам, материальному благополучию и т. п. [6].

Итак, советская экономическая культура, несмотря на идеологический и институциональный антагонизм с формационно предшествующими типами, по своим концептам и феноменам имела с ними органическое родство. Еще раз подчеркнем — и тради-

ционная, и капиталистическая, и советская экономическая культура характеризовались внутренней противоречивостью как в реализации своих концептов, так и в сложном взаимодействии новых и старых ее феноменов. С такой экономической культурой и вступила российская цивилизация в период постсоветских преобразований ее экономической жизни.

Что же происходит с экономически релевантными ценностями культурно-исторического развития страны, с традициями феодального, капиталистического и советского хозяйствования в постсоветской России?

Полагаем, этой их трансформации присущи следующие феномены формирующейся экономической культуры. Трансформируется понимание сущности экономической деятельности: на смену ее традиционной роли жизнеобеспечения народа приходит рассмотрение экономики как средства получения прибыли теми, кто может это делать. Осуществляется переход от корпоративности к индивидуализму: традиционный «коллективизм» уступает «корпоративной этике», конкурентности. Изменяется принцип экономических отношений по «вертикали власти»: «хозяин» — не советский начальник, равный с работником в отношении собственности; собственник требует к себе принципиально иного отношения. Наблюдается противоречивость совмещения идеологии «своего дела» с традиционной идеологией дела «общего»: богатеть за счет страны становится более важным, нежели «вместе с ней». Феномен советской «уверенности в завтрашнем дне» ослабевает в условиях безработицы, контрактной системы, экономической нестабильности.

Разумеется, названные сюжеты не исчерпывают сложность и многоплановость трансформации экономической культуры современной России и связанной с этим проблематики; возможны и иные трактовки приведенных фактов, и иные сюжеты, которые обладают определенной «мозаичностью».

Как же можно охарактеризовать в свете этих изменений современные трансформации третьей «переоценки» экономической культуры? Дадим их краткую характеристику по нашей методологии «четырёх концептов».

1. Кардинально меняются представления о сущности труда. Во-первых, собственно «труд» как общественно-полезная деятельность все более перестает восприниматься как ценность сама по себе, теряет свою привлекательность. Во-вторых, в характере труда очевиден сдвиг в пользу труда финансового, торгового, спекулятивного, «офисного», тогда как роль и ценность труда собственно производительного («цехового») оценивается сравнительно невысоко. В-третьих, разрушается естественное представление о связи добросовестного, честного труда и материального достатка.
2. Все более меняется отношение к (частной) собственности (на средства производства): с одной стороны, продолжается идеологическая пропаганда преимуществ «частника» как более эффективного, в сравнении с государством, собственника, а с другой — идет фактический рост государственного сектора в экономике, организационно-финансовое давление на независимое, свободное предпринимательство; работа на государство становится более надежной, нежели работа «на частника», на себя.
3. Продолжается рост роли денег в жизни человека и общества, они становятся едва ли не главной, и не только экономической, ценностью для большинства людей; развивается страсть к быстрому («авантюренному», «алхимическому») обогащению, не связанному с честным трудом. Вместе с этим, активизируется роль

властно-статусных (личностных) отношений как более эффективного и надежного средства обогащения.

4. Несмотря на кризисные экономические явления, вызванную ими негативную динамику покупательской способности большинства населения, сохраняются рост материальной составляющей в структуре потребностей людей, тенденция перехода от ценности достатка к установке на изобилие, роскошь; развивается комплекс неудовлетворенности в материальных потребностях, отказ от критерия рациональности в их отношении.

(Тут следует отметить, что все эти положения имеют свое подтверждение в соответствующих социологических исследованиях конкретных срезов состояния общественного сознания современного российского общества. Понятно, что ссылки на них и их анализ невозможны в рамках данной статьи).

В связи с этим возникает естественный вопрос — что же делать с таким состоянием экономической культуры, со смешением в ней систем ценностей всех трех переоценок? Полагаем, надо разделить ее феномены, оценить их перспективы в современных реалиях [6].

Во-первых, следует определиться, на что нужно и можно опираться в наличной модернизации экономической культуры. На наш взгляд, к таким «опорным» можно отнести следующие традиционные феномены: высокая роль государства в экономической жизни общества, государственный патернализм и консерватизм; социальная ответственность, ориентированность экономики; сохранение ценности экономики как государственного «служения»; патриотизм, осознание экономической самобытности России, потребность в ее величии; спокойное отношение к экономическому авторитаризму власти; трактовка «честной», (а не просто «частной») собственности как функции, прежде всего, производственного труда, а не финансовой, спекулятивной, деятельности; традиция «самодостаточности» отечественной экономики, ее актуализация в связи с международными экономическими санкциями; способность к высокому самоограничению материальных потребностей.

Второе. Кроме опоры на эти традиции отечественной экономической культуры, важно дополнить их формированием новых феноменов: рационализма хозяйственной деятельности, ее прогнозируемости, дисциплины, ответственности; понимания того, что рыночная экономика в качестве своей основы предполагает напряженный, систематический труд, а не «алхимию» быстрого обогащения; выстраивание прямой связи результатов деятельности с ее трудовым характером, развитие пропаганды честного производительного труда как ведущего к достойной жизни; умения качественно работать в стандартных ситуациях, повседневно, систематически; установки на свободу в экономической деятельности, купирование избыточного государственного контроля и криминального давления на предпринимательство; уважения к нравственным ценностям экономической деятельности; ее вписанности в правовое поле, повышения правовой культуры хозяйственных субъектов; формирование социально-ответственной психологии хозяина, эффективного собственника-производителя.

Третье. Не менее важно определить те ценностные феномены, которые вряд ли возможно (да и нужно ли?) сформировать в свете рассмотренных традиций российской экономической культуры, по крайней мере, сейчас. Прежде всего, это: индивидуализм, свобода от государства в экономической деятельности; абсолютизация частной собственности как гарантии прав и свобод; религиозное (православное) подкрепление экономических реформ; культ богатства любой ценой, нравственная легитимизация

финансового капитала; глобализационная общечеловечность, космополитизм национально ориентированной экономики.

Четвертое — необходимость целенаправленной борьбы с такими феноменами традиционных ценностей отечественной экономической культуры, как: иррационализм экономического сознания, его рыночная мифологизация; радикализм экономических преобразований, их оторванность от культурно-исторических традиций России как консервирующих ее отсталость; культ потребительства, подавляющего приоритета материальных ценностей над духовными; постмодернизм экономической субкультуры «новых русских».

Разумеется, при этой «сепарации» необходимо учитывать: во-первых, антиномичность российской экономической культуры, сложности соотношения в ней традиционной, капиталистической социалистической и постсоветской; во-вторых, — групповую (субкультурную) дифференцированность последней в свете традиций, вступающих «родовым» фундаментом, «общим знаменателем» современных ее трансформаций.

В качестве кратких выводов скажем следующее:

- 1 Для современной отечественной экономической культуры можно констатировать сложное взаимодействие противоречивых самих по себе традиционно-феодальной, капиталистической, социалистической и постсоветской экономических культур, проецируемое на ее особенности для всех социально-экономических групп современного российского общества, что позволяет характеризовать имеющуюся экономическую культуру как «мутационную». Работа по ее позитивной модернизации должна базироваться на основе как учета родового качества российской экономической культуры, так и ее видовых исторических трансформаций.
- 2 Для формирования экономической культуры, адекватной перспективам современного устойчивого развития экономики России, нужен мониторинг наличного состояния экономической культуры, на основе которого возможна работа по целенаправленному конструированию и формированию ее необходимого качества как системы феноменов разного происхождения, разной формационной «природы», осуществляемая на основе социогуманитарных традиций российской экономической культуры как ее фундамента, «общего знаменателя».
- 3 Такая работа по решению поставленных проблем в качестве неперемного общекультурного условия предполагает преобразования социального и гуманитарного характера, не ограниченные институциональной составляющей экономики, развитие ее человеческого капитала, формирование которого осуществляется не только участием человека в экономической деятельности, но всем его образом жизни в современном обществе, в соответствии с органической сутью исторически-традиционной, культурно-цивилизационной преемственности, которая с необходимостью предполагает определенную мировоззренческую и идейную ориентацию человека, его экономической культуры.

Список литературы

Исследования

- 1 *Афанасенко И. Н.* Экономика и духовная программа России. М.: Третье тысячелетие, 2001. 308 с.
- 2 *Аникин А. В.* Путь исканий. Социально-экономические идеи в России до марксизма. М.: Политиздат, 1990. 416 с.

- 3 *Басина Т. Н., Шеряшева М. Ю.* Истоки и особенности развития хозяйственных традиций в России // Вестник Московского государственного университета. 1993. Серия 6. № 4. С. 53–64.
- 4 *Евграфова О. В., Королев В. К.* Экономика в культуре России (традиции, реалии, перспективы). Ростов н/Д.: РИО Ростовского филиала Российской таможенной академии, 2011. 260 с.
- 5 *Евграфова О. В.* Экономическая культура. Ростов н/Д.: РИО Ростовского филиала Российской таможенной академии, 2016. 115 с.
- 6 *Королев В. К.* Экономика и культура. Ростов н/Д.: Академлит, 2010. 352 с.
- 7 *Кричевский Н. А.* Наследие противоречий: истоки русского экономического характера. М.: Дашков и К, 2016. 304 с.
- 8 *Панферов К. Н.* Экономика и культура. М.: Русаки, 2009. 725 с.
- 9 *Платонов Д. Н.* Морфология хозяйства и особенности развития рыночных отношений в дореволюционной России // Вестник Московского государственного университета. 1993. Серия 6. № 4. С. 28–40.
- 10 *Платонов О. А.* Русский труд. М.: Современник, 1991. 335 с.
- 11 *Платонов О. А.* Экономика русской цивилизации. М.: ИРЦ, 2008. 800 с.
- 12 *Степун Ф. А.* Мысли о России. М.: Директ-Медиа, 2017. 283 с.
- 13 *Худокормов А. Г., Слудковская М. А.* Социально-экономическая история России. М.: Инфра-М, 2019. 600 с.

Источники

- 14 Пословицы русского народа. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. 452 с.
- 15 Русские народные сказки. М.: Академический проспект, 2020. 1514 с.

© 2023. **Olga. V. Evgrafova**
Rostov-on-Don, Russia

© 2023. **Vladimir K. Korolev**
Rostov-on-Don, Russia

RUSSIAN ECONOMICAL CULTURE: HISTORICAL TRADITIONS AND TRANSFORMATIONS

Abstract: The authors provide generalization and typification of the Russian economic culture historical characteristics, within their three “reevaluations” in the nineteenth and twenty-first centuries: capitalist, socialist and “returnable” capitalist. This work is carried out on the basis of an analysis of the traditional features of the cultural and historical development of Russia, their economic significance in the light of the basic concepts of the generic quality of economic culture: attitudes towards labor, private property, wealth and consumption, manifested in adequate phenomena.

On this theoretical and methodological basis, the phenomena of traditional (feudal) economic culture are presented “in their pure form” and conceptually systematized, including their pre-Soviet, Soviet and post-Soviet transformations.

Taking into account the essential inconsistency of the domestic economic culture at all

stages of the historical existence of its qualitative, generic unity as the foundation of species transformations, the conclusion is drawn about the quality of the present transitional state of economic culture as mutational. The study suggests an interdisciplinary methodology of its modern “reformatting” — sorting and new “assembling” of phenomena of all historical types of this culture (preserving the necessary, stopping the “harmful” and forming the new ones) as a prospect of its modernization, adequate to the tasks of sustainable development of Russia in modern conditions.

Keywords: Economy, Culture, Concept, Phenomenon, Labor, Property, Wealth, Consumption, Modernization.

Information about authors:

Olga V. Evgrafova — PhD in Philosophy, Associate Professor, Russian Customs Academy, Rostov Branch, Budenny Ave. 20, 344002 Rostov-on-Don, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8821-9941>

E-mail: dia7@bk.ru

Vladimir K. Korolev — DSc in Philosophy, Professor, Southern Federal University, Dneprovsky Trans. 116, 344060 Rostov-on-Don, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1659-4195>

E-mail: vkorolev@sfedu.ru

Received: December 13, 2021

Approved after reviewing: December 29, 2021

Date of publication: June 28, 2023

For citation: Evgrafova, O. V., Korolev, V. K. “Russian Economical Culture: Historical Traditions and Transformations.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 68, 2023, pp. 47–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-47-58>

References

- 1 Afanasenko, I. N. *Ekonomika i dukhovnaia programma Rossii [Economy and Spiritual Program of Russia]*. Moscow, Tret'e tysiacheletie Publ., 2001. 308 p. (In Russ.)
- 2 Anikin, A. V. *Put' iskanii. Sotsial'no-ekonomicheskie idei v Rossii do marksizma [Search path. Socio-economic Ideas in Russia before Marxism]*. Moscow, Politizdat, 1990. 416 p. (In Russ.)
- 3 Basina, T. N., Sheriasheva, M. Iu. “Istoki i osobennosti razvitiia khoziaistvennykh traditsii v Rossii” [“The Origins and Features of the Development of Economic Traditions in Russia”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, Series 6, 1993, pp. 53–64. (In Russ.)
- 4 Evgrafova, O. V., Korolev, V. K. *Ekonomika v kul'ture Rossii (traditsii, realii, perspektivy) [Economics in Russian Culture (Traditions, Realities, Prospects)]*. Rostov-on-Don, Editorial and Publishing Department of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy Publ., 2011. 260 p. (In Russ.)
- 5 Evgrafova, O. V. *Ekonomicheskaja kul'tura [Economic Culture]*. Rostov-on-Don, Editorial and Publishing Department of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy Publ., 2016. 115 p. (In Russ.)
- 6 Korolev, V. K. *Ekonomika i kul'tura [Economic and Culture]*. Rostov-on-Don, Akademit Publ., 2010. 352 p. (In Russ.)
- 7 Krichevskii, N. A. *Nasledie protivorechii: istoki russkogo ekonomicheskogo kharaktera [The Legacy of Contradictions: Origins of the Russian Economic Character]*. Moscow, Dashkov i K Publ., 2016. 304 p. (In Russ.)

- 8 Panferov, K. N. *Ekonomika i kul'tura [Economic and Culture]*. Moscow, Rusaki Publ., 2009. 725 p. (In Russ.)
- 9 Platonov, D. N. “Morfologiia khoziaistva i osobennosti razvitiia rynochnykh otnoshenii v dorevoliutsionnoi Rossii” [“Morphology of the Economy and Features of the Development of Market Relations in Pre-revolutionary Russia”]. *Vestnik Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, Series 6, 1993, pp. 28–40. (In Russ.)
- 10 Platonov, O. A. *Russkii trud [Russian Work]*. Moscow, Sovremennik Publ., 1991. 335 p. (In Russ.)
- 11 Platonov, O. A. *Ekonomika russkoi tsivilizatsii [Economics of Russian Civilization]*. Moscow, IRTs Publ., 2008. 800 p. (In Russ.)
- 12 Stepun, F. A. *Mysli o Rossii [Thoughts about Russia]*. Moscow, Direkt-Media Publ., 2017. 283 p. (In Russ.)
- 13 Khudokormov, A. G., Sludkovskaia, M. A. *Sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia Rossii [Socio-economic History of Russia]*. Moscow, Infra-M Publ., 2019. 600 p. (In Russ.)